

Переписка с владыкой Геннадием Гоголевым

Началась с «Графа Нулина» с его изумления, что не будильник, а урыльник (прим. – Николай I заменил слово «урьльник» на «будильник», посчитав оригинал непристойным). Его радостное восклицание о поэме «Монго» Лермонтова: «В комодѣ места нет и платью, урыльник полон под кроватью...» На мою улыбку, что предмет хоть и низок, а связал для доброго дела.

Он.

Я, кстати, в Ростове-на Дону. Сибирь и Дон полны чудес. Нам путешествовать не ново. Но все же нет под солнцем мест прекрасней озера Чудского.

Он на другой день.

Над Воронежем снова рассвет. Монастырь засверкал куполами. Солнце алый оставило след, уходя в синеву над домами. Я сегодня единственный гость. Мне с утра соловьи засвистели. Старый инок, тебе не спалось. Что за думы тобою владели? Поднимусь в теплый храм поскорей, чтоб не чувствовать телом прохладу. Прoberусь меж спешащих теней, под тяжелую встану лампаду. Шорох мантий о светлый гранит. Свечки тихо трещат огоньками. Здесь у каждой иконы стоит деревянный ковчежец с мощами.

Я.

То Воронеж у Вас, то Ростов, не успею вертеть головою. Легок шаг у российских попов, окрыленных родной Костромою. Помолитесь у храмов святых и за нас, дураков суетливых, чтобы дух в нас подольше не стыл, да мощами крепиться могли мы. Чтоб куда ни направилась Русь, все дороги вели в Эммаус.

Он (кто еще напишет об Урюпинске).

Между «Каспием» и «Доном» среди распаханых полей город с именем иконы из седых календарей. Просторечное название не могу зарифмовать. Дымной речки очертанья буду долго вспоминать. Он не знал войны и бедствий, гордых и тщеславных мук. Здесь твое святое детство проходило, милый друг. Всё гляжу, как на народе шагом медленным своим низкий храм кругом обходит старчик Божий – Серафим.

Я.

Ваша Муза небесно-чиста, а моя, видит Бог, простовата. Вы поете святые места. Я – родные дороги в заплахах. Но сегодня – вот чудо и честь! Я – в Михайловском! Свет и свобода! Все тропится сразу расцвеств. Кот ученый встречает у входа. И душа молода, и забот никаких! Здравствуй, брат Александр Сергеич! Не страдаешь от кризисов наших лихих? Мы в них нынче влетаем умеючи.

Он (во время экономического саммита в Петербурге).

Сомкнем ряды под красным стягом и гимн трудящимся споем. И на расправу работягам буржуев с Форума свезём!

Я.

Свезем буржуев на расправу. Да только, батюшка, к кому? Всё к ним, владеющим «по праву». У них давно «всё по уму». Ребята эти не подвластны стиху, иронии, молве. И всё у них течет по маслу в их осмотрительной главе. Да, ну их, право! Выше знамя! Поднимем крест – и в шею их! А рифмы вымя, темя, племя... Не будем пачкать русский стих.

Он.

Опять как в годы золотые к молитве колокол зовет. И православная Россия, вдыхая тяжкий звук, замрет. А за высокими стенами опять, как в прежние годы, поля, укрытые снегами, порок, унынье, нищета.

Я.

Попали годы золотые в расчетливые невода. Торгуют матушкой-Россией властительные господа. И звон соседней колокольни не заглушает звон монет. Затем, что сам звонит о дольнем, а власти неба в звоне нет.

Но все Христом душа хранима, все гонит ночь Господень свет. И, значит, арфе серафима всё внемлет в ужасе поэт.

Он.

Бывало, арфе серафима внимал в Михайловском поэт. Но чем теперь душа палима, ведь серафимов рядом нет...

Он (5 октября 2009).

Сотрясаясь в вагонном буфете, за окном обгоняя грозу, я в убогом дырявом пакете Альма Матер подарки везу. Сколько нас: горделивых, забитых, полупьяных и трезвых попов, голодающих, радостно-сытых соберёшь под родительский кров? Никогда мы Тебе не чужие. Твои годы сердца сохранят. И опять все дороги России в октябре приведут в Петроград.

Я.

Как смешно: мы в вагонном купе (я трясусь по соседней дороге). Отмотавшись в московской толпе, правлю в Псков свои бедные дроги. За окном одинаковый дождь Вам и мне обещает удачу. Ах, приметы российские – ложь во спасенье от злой незадачи, коей правится милая жизнь хоть попам, хоть несчастным мирянам. Да и то! Взятся жить, так держись вопреки беднякам агарянам.

Он.

Гулял по Новодевичьему кладбищу и был застигнут дождем.

Слетел последний лист берёзы на грудь холодную земли. И слёзы, горестные слёзы ручьями с неба потекли. Здесь мертвецов могилы прячут. Их бюсты смотрят свысока, и небо плачет, горько плачет, прощаясь с ними на века.

Он (раньше).

Всех вождей столетья пережив ты писал для славы и для смеха. И ушёл, навеки схоронив таинство столетнего успеха.

Он.

Ещё вчера ничто не значила забытая гора Гремячая. Сегодня Валентин Курбатов по ней гоняет супостатов (15.08. 09).

Я.

Прогонишь (как же!) супостатов, будь ты хоть трижды раскурбатов. Сей род гоняется молитвой и постом, а мы главою чаще в Льве Толстом. И бесы потому и празднуют победы, что с нами Лев, а не святые деды

Он.

Еду в Екатеринбург.

В купе шампанское стреляет, и хрупкий пенится стакан. Мужик девчонку обнимает, в меня уставясь, как баран.

– Давай, - он пальцем тронул шею. Я отказался: – Нет, не пью. – Обидно, батя, сожалею. И рожу отвернул свою. Пошел смиренно по вагонам, шатаясь, как на корабле. Вот ресторан. Окно в зелёном. Цветок засохший на столе. Официантка подбегает, всегда готовая на крик. Клиент сегодня вновь желает всё тот же отварной язык. Что за окном? Края чужие. Уж дышит холодом Урал. Леса, кусты, поля пустые, ещё не видно гор и скал. Мужик уже совсем упился. А девка рожу строит мне: куда ж ты, инок, потащился? Сиди в своем монастыре (08.08.09).

Я.

Печальны русские дороги! В какую сторону ни едь, мужик стаканом мерит сроки, когда поспать, когда попеть. Ему и едетя скорее, и вид за окнами милей, беседа лучше сердце греет про власть, про жись, про отчий дом. А тут, гляди, в соседях инок... Не пьет он вишь и не поёт. Не зря к беде (зарок старинный) – как поп дорогу перейдёт. Как заяц Пушкину дорогу – хоть с полпути беги назад. Ох, эти батюшки, ей Богу! Мужик им, вишь ли виноват.